

Навстречу сарсуэле Пласидо Доминго в БАРВИХЕ рекомендует СЕРГЕЙ ХОДНЕВ

«Отелло».
Метрополитен-опера, 2009

«Первый император».
Метрополитен-опера, 2006

«Сирано де Бержерак».
Метрополитен-опера, 2006

«Кармен».
Режиссер Франческо Роззи, 1984

Пласидо Доминго
и Виргиния Тола

Это долголетие, какое история оперы видела нечасто, и особенно это касается теноров — многие из которых, может, и рады были бы петь до такого возраста, но не вышло. И это долголетие вполне достойное, это вовсе не случай той знаменитой примадонны XIX века, которая после ухода со сцены выстроила у себя в имении театр просто для того, чтобы выходить на сцену хотя бы понарошку, чтобы по-прежнему слышать аплодисменты хотя бы от снисходительных друзей. А уж о влиятельности и говорить не приходится — тут влияние не только на стандарты тенорового искусства, но и на репертуар. Так, с его легкой руки в моду вошли сарсуэлы, род испанской оперетты, — тот репертуар, который ему-то знаком с детства, но лет тридцать назад считался чем-то маргинальным, про-

ВОТ ОН, живой мост к тем временам, о которых любят потосковать опероманы, временам, когда трава была зеленее, постановки благопристойнее, а голоса совершеннее: человек, который пел — и как пел! — с величайшими дирижерами и величайшими певцами XX века. Из них многие уже покинули если не сцену «великого театра мира», то сцену обыкновенную, не метафорическую, а он, Хосе Пласидо Доминго Эмбиль, пока еще обеими ногами на сцене — в любых смыслах. Грозится, правда, оставить вокал, по крайней мере теноровый; оговорка важная, поскольку на подходе давно задуманный им эксперимент с баритональным репертуаром. С одной стороны, выходит симметрическое закругление карьеры: баритоном Доминго уже когда-то был — до тех самых пор, пока добрых 50 лет назад ему, начинающей звезде мексиканской оперной сцены, не предложили попробовать спеть что-нибудь тенором. С другой — предсказуемого все-таки мало, достаточно посмотреть, что он будет петь в предстоящем сезоне в «Ковент-Гардене». Во-первых, Баязет в «Тамерлане» Генделя, теноровая партия, конечно, по фактуре очень подходящая Доминго, но кто мог ждать, что ближе к семидесяти он возьмется еще и за барокко? Во-вторых, Симон Бокканегра в одноименной опере Верди, партия уже баритональная, причем далеко не щадящая: опять же откуда столько решительности, это ж какие луженые голосовые связки надо для этого иметь?

И ведь наверняка получится хорошо. Создается ощущение, что у него вообще всегда все было на удивление хорошо, ни кризисов, ни драм, ни скандалов. Общее

число освоенных им партий приближается к ста тридцати — это немалое количество прежде не набирал никто из теноров, причем при уровне его мастерства никакого впечатления погоны за количеством это никогда не производило. Если здоровье, физическое и вокальное, и давало осечку (с кем не бывает), то он всегда выходил из положения аккуратно, умно и с достоинством; его личную жизнь особенно не мусолили, размерами гонораров не попрекали. Гонорары, конечно, иной раз впечатляют, одни знаменитые концерты с Паваротти и Каррерасом приносили каждому из трио до миллиона долларов. Но достаточно посмотреть на Доминго, чтобы понять: заговоришь с ним про это — отбреет, причем не так вульгарно, как Шалапин с его «бесплатно только птички поют», а как-нибудь благородно.

И к собственному престижу, и, что самое главное, к престижу профессии он относится без лишнего чванства, но довольно взвешенно. Да, в смысле массовых мероприятий стадионного масштаба он так преуспел, что осталось, по едкой замечанию одного критика, разве что спеть благотворительный концерт для пингвинов в Антарктиде. Но тут главное

баланс: во-первых, за эти затеи он принимался, уже имея за плечами два десятилетия славы одного из главных теноров планеты, честно заработанной в поте лица. Во-вторых, если что-то из престижа растрачивалось во всех этих терминах Каракаллы и олимпийских стадионах, то компенсировалось серьезнейшей работой в театре. Так пока что происходит и сейчас, причем, повторюсь, и теперь, после 60-летнего рубежа, его сценические работы — это вовсе не какие-нибудь почетные, но милосердные «камеи» наподобие императора Альтоума в «Турандот» (партии, которая традиционно зарезервирована для пожилых теноров) и не только написанные для него, что называется, по мерке партии в операх здравствующих композиторов, нет, человек на седьмом десятке брался даже и за марфонские теноровые партии Вагнера.

«Травиата».
Режиссер Франко Дзеффирелли, 1983

винциально-старомодным и очень уж специфически испанским. Теперь глядите-ка, кто их только не поет при случае; ладно еще тенора из Южной Америки, для которых это тоже почти свое родное, но ведь подтягиваются и все остальные, вплоть до Элины Гаранчи и Анны Нетребко.

Помимо прочего современная оперная действительность обязана ему еще и конкурсом Operalia, который превратился в одного из главных поставщиков молодых оперных звезд. Об этом вполне стоит вспомнить в случае нынешнего московского концерта, поскольку вместе с Доминго будет выступать одна из победительниц Operalia — аргентинское сопрано Виргиния Тола. Программа выстроена по устоявшейся схеме подобных гала: толика знаменитых оперных шлягеров, немного Бродвея, немного оперетты. И, разумеется, сарсуэлы.

«Барвиха Luxury Village», 12 июля, 19.00